

П о з а к о н у
ч е л о в е ч е с к о й
к р а с о т ы (к ю б и л е ю Е. П.
Ч е р в и н с к е н е)

Бержайте, Дагне
По закону человеческой красоты (к юбилею Е. П.
Червинскене)

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lituania

Disponible en: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477013>

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.13>

Esta obra está bajo una Licencia Creative Commons Atribución 4.0 Internacional.

По закону человеческой красоты (к юбилею Е. П. Червинскене)

According to the Law on Human Beauty (in Commemoration of E. Chervinskiene)

Pagal žmogaus grožio įstatymą (E. Červinskienės jubiliejui)

Дагне Бержайте dagne.berzaite@flf.vu.lt

Кафедра русской филологии, Lithuania

Резюме: В статье на основе книги воспоминаний Сила слабых профессора кафедры русской литературы Вильнюсского университета Елены Червинскене рассказывается о том, как ссылка в далекие края Алтая и Якутии в роковой для Литвы 1941 г. сыграла решающую роль не только в дальнейшей личной жизни автора, но и в ее профессиональном выборе. Утверждается, что поле научных и творческих интересов специалиста по классической русской литературе, автора книг и статей о Л. Толстом, Ф. Достоевском и А. Чехове сформировал жизненный опыт, накопленный в этот трагический период ее жизни.

Ключевые слова: Червинскене, травма, ссылка, человек, профессия, русская литература.

Abstract: This paper analyzes the book of memoirs *The Power of Weak* written by Elena Chervinskiene, Professor of the Department of Russian Literature at Vilnius University. Chervinskiene's book discusses her experiences being deported to the Altai region and Yakutia, part of the wave of deportations from Lithuania that began in the fateful year of 1941. The early traumatic experience determined not only the author's further personal life but also her professional choice. It is stated that the chosen field of scientific and creative interests of the expert on classical Russian literature, author of books and articles about L. Tolstoy, F. Dostoevsky and A. Chekhov, was also shaped by the all of the human experience gained during this tragic stage of her life.

Keywords: Chervinckiene, trauma, exile, human being, profession, Russian literature.

Summary: Straipsnyje pasitelkus Vilniaus universiteto Rusų literatūros katedros profesorės Elenos Červinskienės atsiminimų knygą *Silpnųjų galia* aptariama, kaip tremtys tolimuose Altajaus ir Jakutijos kraštuose, prasidėjusios lemtingais Lietuvai 1941 metais, nulėmė ne tik tolimesnį knygos autorės asmeninį gyvenimą, bet ir jos profesinį pasirinkimą. Teigiama, kad klasikinės rusų literatūros specialistės, knygų ir straipsnių apie L. Tolstojų, F. Dostojevskį ir A. Čechovą autorės, mokslinių ir kūrybinių interesų lauką suformavo gyvenimiška patirtis, įgyta šiuo tragišku laiko tarpsniu.

Елена Петровна Червинскене не случайно в свою книгу *По закону Льва Толстого* включила слова любимого писателя: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что ты можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?» (Червинскене 1992, 29).

Желание разобраться в каждом отдельном человеке (ведь, по ее словам, «история складывается из судеб отдельных личностей. Каждая судьба единственная, неповторимая» (Červinskienė 1995,

Literatūra, vol. 62, núm. 2, 2020

Vilniaus Universitetas, Lithuania

Recepción: 15 Septiembre 2020
Aprobación: 25 Septiembre 2020

DOI: <https://doi.org/10.15388/Litera.2020.2.13>

Redalyc: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=695174477013>

7)¹ привела профессора Червинскене к изучению литературы и к созданию собственной системы анализа художественного текста, которую она назвала «сигнальными знаками автора». И среди основных составляющих этой системы она выделила то, что прежде всего имеет прямое отношение именно к личности автора литературного произведения – «созвучие с авторской личностью, знакомству с которой способствуют его публицистические работы, дневники, письма, записные книжки, воспоминания современников о нем» (Червинскене 1992, 33). Суждения Толстого о «единстве самобытного нравственного отношения автора к предмету» (Червинскене 1992, 28) окончательно убедили, что «в художественном произведении главное – душа автора» (Червинскене 1992, 31).

Во всех произведениях русских классиков Червинскене не переставала искать «человеческое», в литературных героях – «человеческой сущности» (Червинскене 1976, 47). В ее прочтении, например, «признаком подлинности искусства Достоевский считал проявление человеческого лица автора» (Червинскене 1976, 21); а Чехов, в понимании Червинскене, «“высшим талантом” считал человеческий талант, главными признаками этого таланта <...> чуткость – способность живо реагировать на зло и добро, способность чувствовать чужую боль, как свою» (Червинскене 1976, 79).

Из-за повторяющегося акцента на «человеческом» рецензенты иногда называли ее книги слишком чувствительными, лирическими, сентиментальными (Mažgimas 2005). И были по-своему правы. Но лучше всего эту черту исследовательской манеры Червинскене объяснил академик Георгий Фридлендер², в частном письме написавший ей: «В наше время – увы! – все так стремятся к мнимой “научности”, что совершенно забыли о том, что писать об искусстве – это значит прежде всего уметь сопереживать, чувствовать его и уметь внушить это же чувство и сопереживание другим. Вы же относитесь к немногим литературоведам, которые сохранили эту способность» (Бриу, Варлашина 2003, 134).

Более подробно о методе исследований профессора Червинскене уже писалось ее коллегами. Сейчас, в связи с юбилеем профессора Червинскене, больше хотелось вспомнить о другом, о «душе человека», о «доминанте личности» (Червинскене 1976, 33) самой исследовательницы, а также о том, какие жизненные обстоятельства, сформировавшие этот определенный «склад души», привели к выбору профессии литературоведа, специалиста по русской классической литературе.

Выбор профессии, как и вся история жизни профессора Червинскене, прекрасно иллюстрирует знаменитую мысль Александра Герцена о том, как история в прямом смысле меняет и «отражается в человеке, случайно попавшемся на ее дороге» (Герцен 1969, 544). Если бы не роковые исторические обстоятельства, Червинскене, в девичестве Тамошайтите, скорее всего, стала бы

юристом, так как в последние годы независимой довоенной Литвы (1938–1940) училась в Каунасском университете на юридическом отделении и одновременно работала в суде. После замужества она уехала к мужу, тоже юристу, в маленький, находящийся на границе с Германией, город Кибартай, жители которого по вечерам ходили через речку, как она пишет в своей книге воспоминаний, «гулять в Германию»³. Этот городок впоследствии она назовет своим трамплином в Сибирь (Červinskienė 1995, 65). В 1940 г., устроившись на работу в банке, Червинскене (фамилия по первому мужу – Гашкене) научилась еще и бухгалтерскому делу, что потом сыграет важную роль в ее судьбе, так как поможет выжить в тяжелых условиях ссылки в Якутии.

Ей было всего двадцать лет, когда в июне 1941 г. ночью арестовали ее мужа, а через несколько дней, кажется, 17 июня, пришли за ней самой. Червинскене оказалась среди тех жителей Литвы, которые после аннексии страны Советским Союзом, буквально накануне войны с нацистской Германией, были депортированы в Сибирь или в другие места ссылки. Так, в одном летнем пальто, в синем платье из шелка и на каблуках, что ей по-женски особенно врезалось в память, она оказалась в одном из восьми эшелонов, отправленных на Алтайский край.

Эти и последующие события, холод, голод, адский труд, рождение и смерть единственной дочери, новая ссылка в Якутию, другие всевозможные физические и духовные страдания легли в основу книги ее воспоминаний *Сила слабых*. Написать ее стало возможным только через пятьдесят лет. Самое поразительное, что в этих воспоминаниях совершенно не осталось места ни ожесточению, ни жалобам, ни обидам или обвинениям. Наоборот. Страдания и лишения, этот «спуск в ад» позволили ее автору, совсем поддостоевскому, разглядеть красоту жизни даже там. В книге про абсолютное человеческое горе поражают подробные воспоминания о красоте природы: о чистоте снега, прозрачности рек, красочности и богатстве чужой, отнюдь негостеприимной земли. В этом искреннем, личную боль подавляющем восторге перед величием и красотой мира ощущаешь ее глубинную близость и к толстовскому миропониманию, выраженному в знаменитой фразе Пьера Безухова о невозможности держать в плену бессмертную душу человека. «Кому, – пишет Червинскене, – проезжая через скованные льдом северные реки, придется <...> любоваться царством Мороза, тот поймет, что пришлось мне испытать по дороге в Олёкму»⁴. Я почувствовала бесконечность Вселенной. <...> Исчезло даже ощущение ссылки» (Červinskienė 1995, 185).

При чтении подобных строк вспоминается еще один литературный герой, князь Мышкин: «...Неужели на самом деле можно быть несчастным? О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не

умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» (Достоевский 1989, 553–554).

Теперь уже не важно: гимн красоте жизни в ее конце написанной книге Червинскене – это результат влияния русской литературы («Что я была бы такое, если бы не Толстой?» [Ивинский 2003, 137]), или русскую литературу она выбрала из-за того, что миропонимание Толстого или Достоевского лучше всего соответствовало ее собственному? В любом случае произошло встречное движение. Та мечта о самореализации на поприще искусства и науки, то представление о высоком предназначении, что мерещилось ей с детства, как подчеркивается в книге *Сила слабых*, воплотилось в выборе профессии русиста.

Но это произойдет еще не скоро. Предстоит вытерпеть ссылку, трудом заслужить уважение чужих людей, нелегально вернуться домой (1948 г.), испытать недоверие и осторожность **своих**, их обвинение в предательстве. Но везде, как подчеркивается в воспоминаниях, помогали добрые люди. О них или, точнее, ради них Червинскене и написала свою книгу воспоминаний. Многочисленные истории ее героев, собранные, словно по «мозаичному» принципу *Былого и дум* (автора которых на лекциях Червинскене называла самым **умным** русским писателем), раскрывают не только факты из жизни этих давно ушедших и, возможно, давно забытых людей. Своими воспоминаниями она многих, таких, как, например, видный деятель литовского коммунистического движения Игнас Гашка, просто реабилитировала. Одно светлое воспоминание, один благородный поступок, один спасенный человек – и все остальное уже не имеет значения (как тут не вспомнить про силу человеческих воспоминаний о благородных поступках, о «фунте орехов» в романе Достоевского *Братья Карамазовы*?). А спасавших, помогавших людям было много. «В этой атмосфере человеческого бесправия, – писала Червинскене, – сердцем ощущали силу неписаного вечного закона человечности» (Červinskienė 1995, 76).

Реабilitировала в своей книге она и того русского военного (так Червинскене назвала, очевидно, офицера НКВД), который, пытаясь спасти одинокую беременную женщину, хотел вывести ее из эшелона с депортируемыми. На железнодорожной станции он вызвал ее и приказал принести воды. Но воды тогда она так и не нашла. Вернулась в вагон с пустым ведром. Тайные жесты офицера, сигнализировавшие, чтобы не возвращалась, не помогли. Ее дисциплинированность и воспитание были сильнее. Русский офицер только взялся за голову...

Об этом драматическом эпизоде, произошедшем в начале лета 1941 г., профессор, когда это стало возможным, рассказывала и своим студентам. Эта история иллюстрировала ее отношение к

людям, сформированное жизнью: «миром управляет не властью узаконенная ложь, а никем неписанный вечный человеческий закон» (Červinskienė 1995, 128). В этих высказываниях, проходящих через книгу воспоминаний красной нитью, нельзя не услышать созвучное словам Достоевского, написанное в письме к брату накануне ссылки: «... я не уныл и не пал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть **человеком** между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и в кровь мою» (Достоевский 1996, 82).

К проблеме национального Червинскене тоже подходила с точки зрения общечеловеческого. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не конкретные обстоятельства ее жизни. В таких обстоятельствах «остаться **человеком** между людьми», причем человеком, уважающим национальность и мало известный тогда язык **чужих**, удавалось отнюдь не каждому. «Людей разных национальностей, – писала она, – <...> объединяло общечеловеческое начало, и человеческая сущность в нашем поведении проявлялась даже отчетливее, чем в обычных условиях»; «решающая борьба между правдой и насилием не столкнула, а объединила людей разных национальностей и взглядов» (Červinskienė 1995, 34).

В ссылке Червинскене встретила с женщиной, любившей повторять, что все нехорошее, нелепое выглядит не по-русски. Непривычное и удивлявшее тогда **отождествление хорошего, доброго с русским** через какое-то время нашло следующее объяснение: «человек хорош, не потому что он русский, а настоящий русский – это тот, который хороший. И это не шовинистическая точка зрения, а оценка каждого народа с точки зрения человеческого» (Červinskienė 1995, 186–187).

Последняя мысль Червинскене объясняет многое, в том числе и выбор ее профессии. В Литве любой русист, по национальности не являющийся русским, раньше или позже сталкивается если не с необходимостью оправдываться, то хотя бы объяснять свой выбор. Такова действительность. Червинскене свой профессиональный выбор объяснила воспоминаниями о депортации и ссылке и адресовала свою книгу прежде всего своим соотечественникам. Все имеющиеся утверждения о том, что в Вильнюсский университет на специальность «Русский язык и литература» ее приняли только потому, что там не хватало студентов (Masionienė 2003, 136)⁵, или потому, что в советское время побывавших в ссылке принимали в университет только на русскую филологию, вряд ли до конца верны. Хотя кто теперь точно скажет, как там было на самом деле. Как пишет Червинскене, «одними фактами невозможно подтвердить истину, <...> да и человек верит только тому, чему он хочет верить, поэтому его выводы субъективны. Как утверждал Достоевский,

факты отражают только часть истины. При тенденциозном их отборе и подаче доказать можно что угодно» (Červinskienė 1995, 34).

В случае подхода Червинскене к русской литературе следовало бы подчеркнуть общую этическую направленность ее исследований. Личный травматический опыт исследователя, кажется, сыграл в этом решающую роль. Литература для нее стала не только средством познания жизни, но и способом разговора о ней и передачи личного опыта другим. «Любовь к родной земле, языку, уважение к человеческой личности, покой и мир, согласие всех народов и верований, – подчеркивала Червинскене, – и есть те главные и вечные истины, которые провозглашают великие русские писатели, чьи портреты я и создаю» (Červinskienė 1995, 253–254). В изучении, в ознакомлении других с русской литературой она не исключала и функции улучшения мира, спасения его красотой. Возможно, кто-то скажет: это не очень академично. Но зато абсолютно в духе традиций русской классической литературы. С какой целью писали ее любимые авторы?

Разный, неровный, не лишенный испытаний и парадоксов творческий и жизненный опыт исследователей русской литературы и составляет богатый мир современной литовской русистики, одним из ярчайших представителей которой как раз и стала профессор Елена Петровна Червинскене.

Литература

- Брио, В., Варлашина, М. 2003. Профессор Елена Петровна Червинскене. Pro memoria. *Literatūra. Rusistica Vilnensis* 45 (2), 134–136.
- Герцен, А. 1964. *Былое и думы*. Москва: Художественная литература.
- Достоевский, Ф. 1989. Идиот. *Собр. соч. в 15 т.* Ленинград: Наука. Т. 6.
- Достоевский, Ф. 1996. Письма. *Собр. соч. в 15 т.* Санкт-Петербург: Наука. Т. 15.
- Ивинский, П. 2003. Профессор Елена Петровна Червинскене. Pro memoria. *Literatūra. Rusistica Vilnensis* 45 (2), 137–138.
- Червинскене, Е. 1976. *Единство художественного мира. А. П. Чехов*. Vilnius: Mokslas.
- Червинскене, Е. 1992. *По закону Льва Толстого*. Vilnius: Vaga.
- Červinskienė, E. 1995. *Silpniųjų galia*. Vilnius: Vaga.
- Daujotytė, V. 2011. *Eiti savo keliu*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Masionienė, B. 2003. Profesorė Elena Červinskienė. Pro memoria. *Literatūra. Rusistica Vilnensis* 45 (2), 136–137.
- Mažrimas, A. 2005. Elena Červinskienė. „Dostojevskis“. *Rašyk.lt*. Prieiga: <http://www.rasyk.lt/knygos/dostojevskis/504.html> [žr. 2020-09-06].

сноска

- 1 «Книга воспоминаний Червинскене под названием Сила слабых была переведена на русский язык и издана в Москве в издательстве «Диалог»

- МГУ» в 1999 г. Из-за отсутствия возможности цитировать русский вариант воспоминаний здесь и далее мы предлагаем собственный вариант перевода с оригинала. См.: E. Červinskienė. *Silpnųjų galia*.
- 2 «Статья Червинскене «Свобода личности в мире идей Достоевского» была опубликована в четвертом томе сборника Достоевский. Материалы и исследования (1980), редактором которого был как раз Г. Фридлендер.
 - 3 «Через ту же речку Лиспона в июне 1940 г. Литву покинул и тогдашний литовский президент Антанас Сметона. Обстоятельства его ухода стали одной из причин ссылки Червинскене, о чем она упоминает в своей книге.
 - 4 «Юго-западный район Якутии.
 - 5 «Интересно и, возможно, закономерно, что в книге о самой Бируте Масёнене-Балтрушайтите написано, что в 1960 г. русскую филологию и она выбрала только по причине невозможности поступить на родную, литовскую филологию (Daujotytė 2011, 18).